

СИМВОЛ РОССИИ

Имя Анны Ахматовой в глазах людей моего поколения — образ и символ России, страдающей, но прекрасной.

Ни о ком другом не писала так проникновенно и трепетно Марина Цветаева, как об Ахматовой:

"Мы коронованы тем,
что одну с тобой мы землю топчем.
И небо над нами то же.
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе".

Было давно, задолго до войны. Было так давно, что я не помню года: середина тридцатых.

Я лишь один раз встретился с Анной Андреевной Ахматовой, но помню каждое ее слово.

Я никогда никому не рассказывал об этом разговоре, только себе самому.

Почему это было неизбежно-необходимо мне, тогдашнему?

Прошли десятилетия, прогремели войны. Возникали и гасли надежды, и скорби тех лет сменялись иными, горчайшими.

Прошлое тайна, также как грядущее. Даже тем, кто его пережил, важно не вспоминать, а вновь сопережить трагический фон эпохи, ее подтекст.

Мы, люди тех лет, остро осознавали, что наша Родина одинока в мире. От обедневшей страны отвернулись.

Но была иллюзия иллюзии, что писатели Европы, душа Европы сочувствуют нашим надеждам и даже нашим ошибкам. Знамени-

тый писатель Андре Жид, эстет и сноб, был самым ярким из тех, кто выражал свою симпатию к Советскому Союзу.

Этому верили, хотели верить. Андре Жид посетил нашу страну в середине тридцатых. Я не помню, в каком году. Его принимали с необычайной торжественностью как представителя французской культуры, каким он и был. Невский проспект был украшен французскими флагами.

В интервью, данном "Красной газете" (сейчас Ленинградская правда), писатель назвал Федора Сологуба великим.

Меня поразило то, что этот период русской литературы известен на Западе. И тем более больно было последующее. По возвращении, Андре Жид написал книгу не только антисоветскую, но проникнутую высокомерием по отношению к русским. Она воспринималась как снобистская насмешка. Мне было больно. Я был еще в последнем классе школы. Но и мне было больно, как и всем. И меня потянуло к Анне Андреевне Ахматовой не только как к поэту, но и как к человеку горестной и величавой судьбы.

Не сразу я решился на этот шаг. Меня отговаривали родители. Но я решился. Предлог был. Не только предлог.

В те годы книги Ахматовой были изъяты из библиотек. Только фонд Публичной библиотеки. Но и там не было ее "Подорожника". Ее последней книги, изданной в 1922 году. Я хотел ее прочесть.

Пишу только то, что помню. Анна Андреевна жила тогда в Фонтанном доме во дворе. Сад внутри двора. Сейчас нет сада, вырублен. Второй или третий этаж. Волнуясь, я позвонил. Мне открыли. В коридоре обычной квартиры меня остановил юноша и довольно резко спросил: "Зачем вы здесь?". Я не сразу сообразил, что это сын Гумилева Лев (до его ареста). Я сбивчиво стал ~~лини~~ объяснять, что хочу видеть Анну Андреевну.

"Мама, к тебе пришли".

Меня пригласили в комнату. Два окна в сад.

Из соседней комнаты вышла Анна Ахматова. Такая же, как на портретах. Челка. Шаль.

"Вы давно пишете стихи?" — спросила она устало.

Я сбивчиво стал объяснять, что "Подорожника" нигде нет, а я хочу его прочесть.

"Пойди и дай", — сказала Анна Андреевна сыну, вопросительно на нее посмотревшему.

"А Вы мне его вернете? У меня единственный экземпляр".

Я потянулся к дивану.

"Ах, Вы хотите при мне".

Я сел. Анна Андреевна села рядом. Она заговорила с сыном о чем-то в домашнем.

"Где Вы учитесь?" — спросила меня Анна Андреевна.

"Я хочу поступить на искусствоведческий факультет Академии Художеств. Вы знаете, он скоро откроется".

"Да, знаю".

Когда я кончил читать, Ахматова протянула руку за книгой и сразу же встала, давая понять, что визит окончен. Больше ничего не было сказано. Я бы запомнил. Только напоследок она спросила меня:

"Как Вы меня нашли?"

Смутившись, я ответил:

"По адресному столу".

Вот и все. Нет, не все. Уже в коридоре, одеваясь, я посмотрел ей в глаза и одними только глазами сказал ей о своей боли, о своем переживании за судьбы Родины как трагедии.

И эта чуткая русская женщина поняла боль юноши. И она ответила мне тем же взглядом почерневших от горя глаз. Я поклонился, и она в ответ мне низко поклонилась, как издревле кланялись женщины на Руси.

Вот и всё. Нет, не всё.

Тьма стояла над Россией.

Не проглядывалась мгла.

Бога не было.

Ахматова на земле тогда была.

Стихи В.Корнилова, однофамильца Бориса Корнилова, погибшего чуть позже в лагерях.

ooooo